

ЗОЛОТАЯ ПАУТИНА

Мережковский* в поэзии своей очень помпезный и назидательный, это стесняет. Я не смотрела так пристально на Леонардо, как, наверное, посмотрел он, но даже если взглянуть вскользь: Леонардо не был страшным, как не был страшным весь жизнеутверждающий и радостный Ренессанс. В наследии Леонардо присутствует много такого, что невозможно понять, или назвать словами, но это не так пугающе, как притягательно. Должно быть, Мережковский по-другому это чувствовал, но так или иначе, его описание очень формально. Выбранные им определения приблизительны и неточны. Он называет характеристики, выводит какие-то тезисы, нуждающиеся в объяснениях, и вместо стиха получается реестр, похожий на искусствоведческий опус. Здесь есть объявление темы, перечисление свойств и заключительная мораль – но нет поэзии. Поэзия это неназываемое нечто, возникающее помимо автора, замысла и слов: дыхание свободы. Свобода ускользнула, остался страх. Может быть, это был темный обывательский страх перед всем непонятным. Но мне нравится думать, что этот страх не был привязан к Леонардо, что это было ощущением надвигающейся катастрофы. Откликом на то, что случится завтра. Ведь время окружает нас со всех сторон – как метель ночью.

*Стихотворение «Леонардо Да Винчи» (1895)